

УДК 343

*Т.А. Шмарева, А.И. Шмарев***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием в доказывании показаний лиц с трансформирующимся уголовно-процессуальным статусом. Описывается конкретный пример использования свидетельских показаний в доказывании по уголовному делу, процесс установления истины по которому был осложнён противодействием со стороны защиты. В судебном заседании свидетель обвинения отказался от показаний, которые давал на стадии предварительного следствия, объяснив это оказанным на него давлением со стороны следователя, что полностью устраивало сторону защиты. Благодаря творческому подходу и активности стороне обвинения удалось добыть новые доказательства, позволившие не только изобличить свидетеля в даче заведомо ложных показаний в суде, но и убедить суд в виновности подсудимого, в чью пользу свидетель сменил показания.

Ключевые слова: доказывание, свидетельские показания, государственное обвинение, трансформирующийся уголовно-правовой статус.

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-5-692-696

Процесс доказывания по уголовным делам состоит из трёх основных элементов – собирания, проверки и оценки доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности.

Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК Российской Федерации) [1], доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК Российской Федерации, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств допускаются, в том числе, показания свидетеля.

В соответствии со ст. 56 УПК Российской Федерации свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 данной статьи УПК Российской Федерации, где перечислены лица, не подлежащие допросу.

Под показаниями свидетеля, согласно ч. 1 ст. 79 УПК Российской Федерации, понимаются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. 187-191 и 278-281 УПК Российской Федерации.

Свидетель вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен в п. 4 ст. 5 УПК Российской Федерации. При согласии свидетеля дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний. Свидетель не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК Российской Федерации).

В ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации отмечено, что к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухах, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Свидетельские показания могут быть проверены путём сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в деле, путём производства следственных и иных процессуальных действий, таких как допрос, в том числе повторный или дополнительный¹, очная ставка и иными подобными способами. Выявленные противоречия устраняются также в ходе последующих следственных и иных процессуальных действий (ст. 192 и 281 УПК Российской Федерации). И вот здесь могут возникнуть проблемы, связанные с отсутствием правовой регламентации, во-первых, повторных или дополнительных допросов, а, во-вторых, использования в доказывании показаний лиц с трансформирующимся уголовно-процессуальным статусом².

¹ УПК РФ не разграничивает повторные и дополнительные допросы.

² Следует отметить, что на стадии предварительного расследования повторный или дополнительный допрос может потребоваться для получения ответов на вновь появившиеся вопросы либо в случае признания протоко-

В практической деятельности, связанной с оценкой свидетельских показаний, также могут возникать сложности.

В соответствии со ст. 17 УПК Российской Федерации оценка доказательств производится должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, руководствующимися законом и совестью, по своему внутреннему убеждению на основании совокупности собранных по делу доказательств. Ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Оценка доказательств выражается в процессуальных актах, таких как, например, приговор суда.

Согласно ст. 305 и 307 УПК Российской Федерации, суд обязан указать в приговоре не только оценку доказательств, выраженную в таких формулировках, как «суд относится к данным доказательствам критически...», «суд отвергает указанное доказательство...» и т. п., но и мотивы такого решения, и объяснить, почему он оценивает доказательства таким образом. Следует отметить, что это непростая задача, решение которой требует предварительного осуществления ряда действий.

Проиллюстрировать вышеописанное можно с помощью следующего примера. Один из авторов этой статьи в своей практической деятельности, связанной с осуществлением надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и последующим поддержанием государственного обвинения, столкнулся со следующей ситуацией.

Суть уголовного дела, возбуждённого по заявлению Б., заключалась в том, что Т. обвинялся в получении взятки, при этом свою вину в совершении преступлений не признавал [2].

Доказывание, как в рамках предварительного расследования, так и в суде, осложнилось противодействием со стороны защиты, выразившемся в оказании воздействия на свидетелей, в том числе, на ключевого свидетеля обвинения Б., в результате чего Б. в суде изменил свои показания, данные на предварительном следствии и полностью изобличающие Т. в получении взятки. Для устранения противоречий на досудебном этапе следственные органы несколько раз допросили Б., отработывая всякий раз меняющиеся доводы стороны защиты, провели допросы дополнительных свидетелей, очные ставки и проверки показаний на месте.

Б., дававший последовательные показания в ходе предварительного расследования, допрашивался следственными органами пять раз, причём четыре из них – по месту производства предварительного расследования (г. Юрга Кемеровской области), один – по месту жительства (г. Ачинск Красноярского края). Кроме этого, с участием Б. были произведены очная ставка и проверка показаний на месте. Такая ситуация была вызвана необходимостью выяснения всех обстоятельств, о которых говорили другие участники уголовного судопроизводства.

В дальнейшем свидетель Б. отказался от ранее данных показаний и от явки в судебное заседание, в связи с чем были приняты меры процессуального принуждения и оглашены показания, данные в ходе предварительного расследования.

По нашему мнению, несмотря на то что каждый раз во время допроса выяснялись какие-то новые обстоятельства, требующие их закрепления процессуальным путём (проведение допросов и иных следственных действий), следовало надлежащим образом готовиться к производству первоначального допроса. Возможно, более тщательная подготовка к производству следственных действий с участием свидетеля позволила бы ограничиться их меньшим количеством, сэкономить время участников уголовного судопроизводства и избежать в итоге конфликтной ситуации.

Несмотря на вышеизложенное, полагаем, что введение законодательного ограничения количества допросов не имеет смысла, поскольку может привести к излишней формализации процедуры допроса.

Качество предварительного расследования зависит от знаний и умений следователя не только в области уголовного процесса, но и криминалистики. Возможно, рекомендации, связанные с необходимостью тщательно планировать следственные действия и избегать создания конфликтной обстановки, не обусловленной складывающейся следственной ситуацией, следовало бы закрепить на подзаконном уровне.

Государственный обвинитель в ходе судебного следствия по упомянутому выше уголовному делу заявил и мотивировал ряд ходатайств, удовлетворенных судом, а также активно участвовал в представлении и исследовании доказательств.

ла первого допроса недопустимым доказательством в связи с нарушением требований действующего законодательства, допущенных при его производстве. УПК Российской Федерации не оговаривает основания и условия производства такого допроса. В суде могут ещё раз допросить свидетеля в случае, если в результате исследования доказательств у участников судебного заседания появились к нему новые вопросы.

Одним из таких ходатайств являлось приобщение и последующее исследование в суде надлежащим образом заверенной копии протокола допроса Б. в качестве подозреваемого по связанному с данным другому уголовному делу, возбужденному в связи с тем, что Б. дал взятку Т. В ходе этого допроса Б. дал показания, совпадающие с его показаниями в качестве свидетеля по факту получения Т. взятки от Б.

Часть 4 ст. 46 УПК Российской Федерации закрепляет право подозреваемого давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации, когда недопустимыми признаются показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде.

При допросе в качестве подозреваемого Б. выражал согласие дать свои показания с участием адвоката; следователь разъяснил Б. положения ч. 4 ст. 46 УПК Российской Федерации и предупредил о дальнейшем их использовании в процессе доказывания в случае его отказа от них.

Только потому, что следователь допросил Б. в качестве подозреваемого в полном соответствии с обозначенными требованиями, у государственного обвинителя возникло желание заявить обоснованное ходатайство о приобщении копии протокола этого допроса. Хотя изначально были сомнения относительно возможности его приобщения и исследования, поскольку речь шла об использовании в доказывании по одному делу материалов другого, в котором Б. участвовал в качестве подозреваемого, то есть имел иной процессуальный статус.

Наряду с данным протоколом в судебном заседании государственный обвинитель ходатайствовал о приобщении копии и других материалов уголовного дела - постановления о возбуждении уголовного дела в отношении Б. по обстоятельствам дачи им взятки Т. и постановления о прекращении данного уголовного дела. На этих документах стояли подписи Б. и его адвоката. Более того, на постановлении о прекращении уголовного дела имелась собственноручная запись Б. о его согласии с таким решением по уголовному делу.

Возражения стороны защиты об отказе в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя суд отклонил, сославшись на положения ч. 2 ст. 17 УПК Российской Федерации, где закреплено, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

В дальнейшем на этапе исследования доказательств стороны обвинения перечисленные протокол и постановления были оглашены, стороны задали Б., принудительно доставленному в судебное заседание, в присутствии его адвоката вопросы об обстоятельствах того допроса, уточнили информацию о присутствии адвоката и о наличии подписей на постановлениях его и адвоката, а также обжаловал ли он или его адвокат окончательное решение по тому уголовному делу.

Кроме того, по ходатайству государственного обвинителя в суде был допрошен следователь, который, по словам Б., пытавшегося таким образом объяснить изменение своих показаний в суде, оказывал на него давление в ходе предварительного расследования³. В ходе допроса выяснились обстоятельства производства следственных действий с участием Б.

³ Некоторые авторы считают, что допрос дознавателей и следователей следует запретить: «Они в установленном законом порядке формируют доказательства с целью предварительного, досудебного установления обстоятельств расследуемого криминального события, принимают процессуальные решения по делу, основываясь на информации, полученной из соответствующих источников, т.е. являются полноправными субъектами доказывания. Внутреннее убеждение публичных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК) складывается на основе исследования собранных и проверенных доказательств, и в этом смысле они не могут выступать в роли беспристрастных свидетелей. Их пристрастность формируется не в связи с обыденной жизнедеятельностью; она полностью сформирована в процессе осуществления служебных процессуальных полномочий, посредством которых создается правовая основа для последующего судебного разбирательства. Именно поэтому недопустим их произвольный перевод из числа публичных участников уголовного процесса в категорию его частных субъектов. Думается, что прокурор, следователь и дознаватель должны быть включены, наряду с судьей и присяжным заседателем, в перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК), а их показания, если, паче чаяния, они допрошены, следует признавать недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК). Субъект доказывания не может быть свидетелем» [3].

Всего в рамках судебного разбирательства данного уголовного дела состоялось более тридцати судебных заседаний. Это число было обусловлено активностью сторон в процессе доказывания, в том числе по сбору доказательств, опровергающих доводы стороны защиты о невиновности подсудимого Т.

Результат доказывания отражен в приговоре суда от 09.03.2016 г., который признал Т. виновным в получении взятки и приговорил его к наказанию в виде длительного срока лишения свободы.

В описательно-мотивировочной части приговора судья Томского гарнизонного военного суда указал, что суд отверг показания свидетеля Б., данные в ходе судебного разбирательства, и мотивировал это тем, что в протоколах допросов в период предварительного следствия свидетель Б., будучи неоднократно дополнительно допрошен, давал последовательные показания, дополняя их и уточняя детали воспроизводимых событий, чётко и понятно отвечал на вопросы следователя, после чего лично ознакомился с содержанием каждого из протоколов следственных действий, произведённых с его участием, и не делал на них замечаний, уточнений и дополнений.

В суде следователь Р. опроверг указанные Б. факты об оказании им на него давления и использовании недозволенных методов в ходе производства следственных действий с участием последнего (сторона защиты таким образом пыталась объяснить причину отказа свидетеля от показаний, данных на предварительном следствии по уголовному делу). К тому же первый допрос свидетеля Б. 23 мая 2015 г. (...) и его же последний допрос от 25 августа 2015 г. (...) производились не следователем Р., а другими следователями, со стороны которых о фактах противоправного давления на него или использования при допросах недозволенных методов Б. не заявил. Более того, допрос Б. 25 августа 2015 г. производился в г. Ачинске Красноярского края, то есть по месту жительства Б. после увольнения его с военной службы и вне непосредственной юрисдикции военного следственного отдела СК России по Юргинскому гарнизону Центрального военного округа, в частности, следователя Р.

К тому же из исследованных в суде материалов предварительного следствия по уголовному делу, возбуждённому в связи с дачей Б. взятки Т. и впоследствии прекращённому, было видно, что Б. был допрошен по тому делу в качестве подозреваемого в присутствии защитника, однако он дал показания, полностью соответствующие его же показаниям, данным на предварительном следствии в качестве свидетеля по настоящему уголовному делу.

Таким образом, поскольку Б. и его адвокат не представили суду разумных обоснований относительно причин крайней противоречивости между показаниями, данными Б. на предварительном следствии, и его же показаниями в суде, суд критически оценил и отверг показания Б., данные им в суде. При этом суд счёл достоверными показания, данные Б. на предварительном следствии, и положил эти его показания в основу приговора, так как они согласовывались с совокупностью других исследованных в суде доказательств, в том числе с показаниями свидетелей обвинения, в правдивости и достоверности которых у суда не было оснований сомневаться.

24.05.2016 г. Западно-Сибирский окружной военный суд, рассмотрев по апелляционной жалобе осуждённого Т. уголовное дело в апелляционном порядке, приговор суда первой инстанции в этой части оставил без изменения, а жалобу – без удовлетворения. Суд второй инстанции согласился с мотивами, приведёнными гарнизонным военным судом в приговоре, обосновывающими допустимость и относимость протокола допроса Б. в качестве подозреваемого по другому уголовному делу, где содержались обстоятельства инкриминируемого Т. деяния по получению от Б. взятки (в кассационном порядке приговор по данному уголовному делу не обжаловался).

Наряду с этим, в связи с дачей свидетелем Б. в суде заведомо ложных показаний, по постановлению военного прокурора Юргинского гарнизона, направленному в следственный орган в порядке

По нашему мнению, такой допрос возможен, а иногда даже необходим [4], но при этом следует учитывать позицию Конституционного Суда РФ относительно возможности использования в уголовно-процессуальном доказывании показаний лиц, осуществлявших производство по уголовному делу. По мнению Конституционного Суда РФ, положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 56 УПК РФ в его конституционно-правовом истолковании и в системной связи с другими нормами уголовно-процессуального законодательства, не дают оснований рассматривать их как позволяющие суду допрашивать дознавателей и следователей о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым и обвиняемым, и как допускающие возможность восстановления содержания этих показаний вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого и обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым и обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Закон исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений [5]. Таким образом, Конституционный Суд РФ счёл, что допрос в качестве свидетелей дознавателей, следователей, направленный на восстановление показаний, ставших при указанных обстоятельствах недопустимым доказательством, невозможен.

п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК Российской Федерации для решения вопроса об уголовном преследовании возбуждено и расследовалось уголовное дело.

Приговором Юргинского городского суда Кемеровской области Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, ему назначено наказание, не связанное с лишением свободы [6].

Приведённый случай из прокурорской и судебной практики служит примером тщательной подготовки государственного обвинителя к судебному следствию и прениям, а также суда к судебному разбирательству. Более того, демонстрирует возможность сбора дополнительных доказательств в судебном заседании по уголовному делу и их исследования, в том числе представления сторонами относимых, допустимых и достоверных доказательств из другого уголовного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовное дело № 1-3/2016 // Архив Томского гарнизонного военного суда.
3. Будников В. Субъект доказывания не может быть свидетелем по уголовному делу // СПС «КонсультантПлюс».
4. Червоная Т.М., Волосова Н.Ю. О возможности допроса дознавателей и следователей в качестве свидетелей по уголовному делу // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5.
6. Уголовное дело № 1-345/2016 (№ 10/56/0075-16) // Архив Юргинского городского суда Кемеровской области.

Поступила в редакцию 22.06.2019

Шмарева Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

E-mail: shmareva@inbox.ru

Шмарев Артем Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

E-mail: shmarev@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

T.A. Shmareva, A.I. Shmarev

THE USE OF WITNESS TESTIMONY IN PROOF OF CRIMINAL CASES

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-5-692-696

The article considers the problems associated with the use in proving the testimony of persons with a transforming criminal procedural status. A concrete example of the use of witness testimony in proving a criminal case is described, the process of establishing the truth in which was complicated by the opposition of the defense. During the court session, the prosecution's witness withdrew from the testimony he had given at the preliminary investigation stage, explaining this by the pressure exerted on him by the investigator, which fully satisfied the defense. Thanks to the creative approach and activity of the prosecution, it was possible to obtain new evidence, which allowed not only to expose the witness in giving knowingly false testimony in court, but also to convince the court of the guilt of the defendant, in whose favor the witness changed his testimony.

Keywords: proof, testimony, state prosecution, transforming criminal-legal status.

Received 22.06.2019

Shmareva T.A., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Civil Law

E-mail: shmareva@inbox.ru

Shmarev A.I., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Criminal Procedure and Law Enforcement

E-mail: shmarev@mail.ru

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034